

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ВОССТАНИЯ БОЛОТНИКОВА *

И. Смирнов

Восстание Болотникова является крупным как по масштабам, так и по значению крестьянской войны в России.

Объяснение того размаха и исключительной мощи, которые отличают восстание Болотникова, следует искать в особенностях исторической обстановки, в условиях которой протекало восстание.

Важнейшими из этих особенностей, характеризующих положение Русского государства в годы восстания Болотникова, являлись два момента:

1. Длительный и острый кризис внутри господствующего класса крепостников-феодалов, ослабивший и расшатавший основы государственной власти в стране.

2. Польская интервенция 1604—1606 гг., завершившаяся захватом власти Лжедмитрием I и ещё больше углубившая и обострившая кризис, переживавшийся Русским государством.

Отмеченные моменты определяли внешнеполитическую и внутриполитическую обстановку, в условиях которой протекало восстание. Они ослабляли основы власти господствующих классов и облегчали этим развёртывание классовой борьбы угнетённых классов — крестьянства и городских низов. Но эти моменты, однако, являлись для восстания Болотникова лишь способствующими и благоприятствующими факторами. Коренные причины, вызвавшие восстание Болотникова и определявшие его характер и масштабы, крылись в сфере отношений между крестьянством и феодальными землевладельцами.

Эпоха восстания Болотникова — это эпоха крупнейших изменений в положении крестьян и холопов в Русском государстве, резкого усиления крепостнической эксплуатации крестьянства, лишения крестьянства последних остатков свободы и оформления крепостного права в общегосударственном масштабе.

Именно в этих особенностях эпохи надо искать причины, вызвавшие восстание Болотникова. Подобно тому как в Германии конца XV — начала XVI в. новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины, возобновление и усиление со стороны феодалов стремления «превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых, — в крепостных, а общую землю марки — в господскую землю» привели к тому, что «на это хищничество помещиков, дворян и попов с конца XV столетия крестьяне стали отвечать частыми разрозненными восстаниями, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабию, Баварию, Франконию и не распространилась также на Эльзас, Пфальц, Рейнскую область и Тюрингию»¹, — подобно этому в России усиление крепостнической эксплуатации крестьянства, юридически закреплённое законодательством конца XVI — начала XVII в., имело своим результатом всё нарастающее обострение классовых противоречий между крестьянами и феодалами и рост классовой борьбы крестьянства, борьбы, высшей точкой подъёма которой явилось восстание Болотникова.

* Заключительная глава из книги автора «Восстание Болотникова».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 641.

Крепостные крестьяне и холопы составляли основную движущую силу восстания Болотникова, определяя программу восстания, характер и формы борьбы.

Центральным пунктом программы восстания Болотникова, главным лозунгом, под которым проходило восстание, являлись уничтожение крепостнических отношений, ликвидация феодального гнёта. Именно в этом состоял объективный смысл тех призывов, с которыми Болотников обращался в своих «листах» к «боярским холопам» и городским низам Москвы и других городов.

Призывы, содержащиеся в «листах» Болотникова: «побивать своих бояр..., гостей и всех торговых людей» «и животы их грабити» (известные нам в такой редакции по грамотам патриарха Гермогена); призывы Болотникова к московским холопам, «чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели их именьями и добром» (о чём сообщает английская записка)², означали призыв к расправе с феодалами и к ликвидации феодальной земельной собственности и крепостнической зависимости крестьян и холопов.

По характеру источников невозможно выяснить для всей территории, охваченной восстанием, как осуществлялась эта программа. Поэтому о социальном содержании восстания Болотникова о том, что приносило с собой это восстание для районов, которые оказывались во власти восставших, приходится судить по отдельным редким случаям, когда в тех или иных источниках можно найти данные о социальной стороне борьбы.

Так, челобитная П. Вразского, сообщающая о том, как в восставшей Астрахани «людишек кабальных распускали и крепости им повыдали»³, раскрывает нам одну из основных целей восстания Болотникова — уничтожение крепостнической зависимости, превращение холопов в свободных людей. Несомненно, что именно таким образом обстояло дело и во всех других местах, где власть переходила в руки восставших.

В этой связи следует вновь вернуться к законодательству В. Шуйского о холопах и, в частности, к приговору 25 февраля 1608 года⁴. Этот важнейший акт законодательства В. Шуйского, рассматривая вопрос о судьбе различных групп холопов — участников восстания Болотникова, — наглядно демонстрирует, как далеко зашёл во время восстания Болотникова процесс разрыва холопами их зависимости от феодалов. И лишь победа над Болотниковым дала возможность феодалам-крепостникам начать борьбу за ликвидацию тех социальных перемен, которые произвело восстание Болотникова, — борьбу за реставрацию крепостнической зависимости для тех, кто освободился от неё во время восстания, превратившись из холопа в свободного человека.

Если освобождение холопов являлось наиболее существенным выражением социальных перемен, произведённых восстанием Болотникова в городах, где сосредоточивалась основная масса холопов, то в деревне восстание Болотникова несло с собой не менее глубокие перемены в отношениях между феодальными землевладельцами и крестьянами.

При рассмотрении этого вопроса приходится применять тот же приём, что и для вопроса о холопах: изучать влияние восстания Болотникова на материале тех мест и районов, о которых сохранились данные в источниках. Таким районом в данном случае является Рязань. То, что источники, рисующие положение в деревне во время восстания Болотникова, сохранились именно для Рязани, следует признать осо-

² См. мою статью «Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова» («Исторические записки». Т. 13, стр. 302, 1942).

³ Г п е в у ш е в А. «Акты времени правления В. Шуйского», стр. 206. М. 1915.

⁴ Более подробная характеристика в моей статье «Законы В. Шуйского о крестьянах и холопах» («Вопросы истории» № 5 за 1947 год).

бенной удачей для исследователя. Рязанский район являлся одним из тех мест, где борьба крестьян во время восстания отличалась наибольшей силой и упорством. Царские грамоты свидетельствуют об этом, признавая, что «в Рязанском уезде во многих местах наши изменники воры, пронские и михайловские мужики воюют»⁵.

Характеристику того, что произвело в рязанской деревне восстание Болотникова, даёт челобитная тяглецов чёрной слободы города Переяславля-Рязанского боярам — руководителям первого земского ополчения в 1611 году. Челобитная рязанских чернослободцев раскрывает исключительную по яркости картину деревни, ставшей в годы восстания Болотникова свободной от крепостнических отношений. По словам челобитчиков, с тех пор, как «[зача]лась междуусобная брань, со 114 году да по нынешний по 119 год» «дворянские и детей боярских крестьяне во все те во смугные годы с нами з городцами людьми городовых и острожных поделак не дельвали, и рвов не копали, и башень не д[елали], и в государеву казну никаких податей не давали... и повозак никаких не возили, и запасов не давали и не дельвали. Да по нашим же, государи, дворишкам стояли резанцы, дворяне и дети боярские, з жёнами, и з детьми, и с людьми 5 лет, и обида нам и насильство великая; нас и жон наших и детишек бьют, и животи[ни]шка наше всякое бьют, и посудьем всяким владеют насильством, и дворишка наши обжигают. Да нынеча резанцы дети боярские з жёнами, и з детьми и с людьми стоят по нашим же дворишкам мимо своих поместей»⁶. Итак, начиная со «114», т. е. 1606 года, рязанские помещики оказались «мимо своих поместий», будучи вынужденными укрыться от воевавших мужиков за стенами Переяславля-Рязанского. Рязанские же мужики, «дворянские и детей боярских крестьяне», сделались свободными от крепостнических повинностей как в пользу своих господ, так и «в государеву казну».

Мы не имеем возможности проследить дальнейшие последствия этих социальных перемен в рязанской деревне: что стало, например, с помещичьей землёй, была ли она захвачена крестьянами и превращена в крестьянскую пашню и т. д.?

Для этого рязанские материалы данных не дают. Но, обращаясь к документам, относящимся к другому району, к Темниковскому уезду, мы получаем возможность ознакомиться с борьбой крестьян именно в данном плане как с борьбой за землю.

В августе 1611 г., «по указу великие Российския державы Московского государства бояр и воевод» (т. е. Трубецкого и Заруцкого), темниковскому посадскому целовальнику и площадному подьячему было предписано «отделити и отмежевати старую вотчину, Темниковского уезда, Рождества пречистыя богородицы Пурдышского монастыря игумену Арсению з братьёю, попрежнему в вотчину, что были отняли у монастыря тою вотчинную землю Темниковского уезда, села Девичья Рукава крестьяне деревни Полянской, староста Федосейко да Иванко Максимов да Васька Мошейцов с товарищи, хле[б] насильством поимали, и между старую перепахали, и грани, столбы повыметали, а которые были грани набиты на стоячем деревье, и те грани деревье повыжгли... и владели самовольством воровским»⁷. Из приведённого текста не видно, к какому именно году относится захват крестьянами монастырской земли. Но для нас в данном случае существенным является не определение точной даты, когда имел место тот или иной конкретный случай захвата крестьянами земель феодалов, а самый факт этих захватов, в которых находило своё выражение «воровское самовольство» восставших крестьян.

Замечательно стремление захвативших монастырскую землю кре-

⁵ Акты Юшкова, № 272.

⁶ Веселовский С. «Акты подмосковных ополчений», стр. 16—17. М. 1911.

⁷ Акты юридические (АЮ), № 163. Архив Строева. Т. II, № 118.

стьян уничтожить всякие следы знаков феодальной собственности на эту землю: крестьяне перепахивают межи, «вымётывают» межевые столбы, выжигают «границы» на деревьях. Те же черты в действиях восставших крестьян отмечает челобитная игумена Андриановой пустыни, Елагемского уезда, указывающая на то, что «как города были в смуте, и Темниковские, и Кадомские татаровья, и мордва, и всяки ратные люди приходили в Ондrejaнову пустыню и монастырь разорили... и прежние де государей жалованные грамоты тут же поимали»⁸.

Сводя воедино всё то, что сохранилось в источниках относительно антикрепостнической сущности борьбы крестьян в восстании Болотникова, следует привести свидетельство челобитной игумена Антониевского монастыря, относящейся по времени до 5 декабря 1607 г., о том, что «монастырские крестьяне ему, игумену, учинились сильны, наших (т. е. царских. — И. С.) грамот не слушают, дани и оброку и третьего хлеба им в монастырь не платят, как иные монастырские крестьяне платят, и монастырского изделия не делают, и ни в чём его, игумена з братью, не слушают»⁹.

В разных документах, относящихся к разным районам и этапам восстания Болотникова, отражены различные фазы и стадии рассматриваемой борьбы крестьян за землю. В отличие от приведённых выше данных, характеризующих уже далеко зашедшие и острые формы борьбы крестьян против феодалов, интерес и ценность материалов, относящихся к конфликту между чёрными крестьянами Вотцкой волости, Галицкого уезда, и Троицким-Сергиевым монастырём, заключается в том, что мы получаем возможность познакомиться с одной из самых начальных фаз борьбы крестьян за землю, и притом в первые месяцы восстания Болотникова.

Суть названного дела заключалась в следующем. Осенью 1606 г., между 23 августа и 13 сентября, игумен Троицкого-Сергиева монастыря бил челом В. Шуйскому в том, что крестьяне чёрной Вотцкой волости, Галицкого уезда, «вступающая насильством» в угодья и пожни монастырской «вотчинки» и хотят теми угодьями и санными покосами «завладеть насильством». В свою очередь крестьяне Вотцкой волости 23 августа того же года били челом царю, обвиняя Троицкий-Сергиев монастырь в том, что он «отнял у них... чёрные земли лесу и покосных болот... насильством». Разбор дела в Галицкой четверти 13 сентября 1606 г. закончился победой монастыря, получившего соответствующую грамоту¹⁰. Крестьяне, однако, не прекратили борьбы, и в результате обыска, произведённого в «115 году» (1606—1607 г.), В. Шуйский был вынужден вернуть крестьянам захваченную у них монастырём землю, выдав правую грамоту (от 19 апреля 1608 г.), которой аннулировалась предшествующая грамота, утверждавшая землю за монастырём¹¹.

Развернувшаяся во время восстания Болотникова борьба между крестьянами Вотцкой волости и Троицким-Сергиевым монастырём явилась попыткой крестьян вернуть себе землю, захваченную у них монастырём в 90-х годах XVI в. (по словам крестьянской челобитной, землю «во 107 году отнял у них Троице-Сергиева монастыря села Гнездолова прика-

⁸ Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Вып. XI за 1886 г., стр. 38. Текст челобитной воспроизводится в царской грамоте монастырю от 28 сентября 1624 года.

⁹ «Исторический архив». Т. I, стр. 35. Текст челобитной воспроизводится в царской грамоте от 5 декабря 1607 года. Следовательно, отмечаемые в челобитной факты относятся непосредственно ко времени восстания Болотникова.

¹⁰ В этом акте правительства В. Шуйского можно видеть его стремление привлечь на свою сторону такую силу, как Троицкий монастырь, что было особенно важно для В. Шуйского в момент приближения Болотникова к Москве.

¹¹ Грамота от октября 1606 г. напечатана у Гневушева, стр. 15; Правая грамота от 19 апреля 1608 г. опубликована в «Актах, относящихся до гражданской расправы в древней Руси» Федотова-Чеховского. Т. I, № 90.

щик»). Вотцкие крестьяне дважды пытались и раньше сделать это, но оба раза неудачно для себя, причём в 1601 г., по предписанию Б. Годунова, «Вотцкие волости крестьян Якушка Еремеева с товарищи» было даже велено «заслушание и насильство бити кнутьём, а бив кнутьём велено вкинуть в тюрьму»¹².

Так борьба крестьян Вотцкой волости за землю отражает в своём развитии общий ход борьбы между крестьянами и феодалами в конце XVI — начале XVII в., — борьбы, завершившейся восстанием Болотникова.

Свидетельством удара, нанесённого восстанием Болотникова крепостническому строю отношений в деревне, являются челобитные помещиков В. Шуйскому, относящиеся ко времени восстания, с жалобами на своё разорение от действий восставших. Образцом такого рода челобитных является челобитная служилых татар Б. Собанина и И. Девлеткозина, от апреля 1607 г., в которой челобитчики заявляют царю, что их «поместейца в Московском уезде, и в Коломенском, и в Боровском, и то, государь, от твоих государевых изменников разорены без остатка»¹³. Другой помещик, тулянин С. Ушаков, указывает на то, что он «разорён без остатку: твоё царское жалование помещейца у меня было на Туле и то пусто, а животишка, государь, моё разграбили твои государевы изменники Самолко Хохоновской с товарищи без остатку»¹⁴. Подобные «разорения» помещиков во время восстания Болотникова¹⁵ приняли столь крупные размеры, что вынудили правительство В. Шуйского предпринять для поддержки таких помещиков ряд чрезвычайных мер в виде издания указов о выдаче денежного и хлебного «корма» «детем боярским разорёным».

Если ко всему сказанному добавить ещё рост побегов крестьян в 1606—1607 гг., имевший место в тех уездах, которые оставались под властью В. Шуйского, то получится достаточно определённая картина социальной природы восстания Болотникова, его антикрепостнической сущности.

Если по своей объективной сущности восстание Болотникова было восстанием крепостных крестьян против феодального гнёта, то идеологической оболочкой восстания Болотникова был лозунг «царя Димитрия».

Источники неоднократно отмечают эти царистские моменты в движении Болотникова. Так, в «Карамзинском хронографе» политическая позиция участников восстания Болотникова выражена формулой «...стояли за царя Димитрия и за племянника его Петрушку»¹⁶. По свидетельству грамоты патриарха Гермогена, в «листах», которые рассылались восставшими по городам, население городов призывалось «целовати крест мёртвому злодею и прелестнику Ростриге, а сказывают, его проклятаго жива»¹⁷. Церемония целования креста на имя царя Димитрия являлась актом, оформлявшим присоединение данной местности или города к восстанию Болотникова. По характеристике «Карамзинского хронографа», «прелесть и смута» в украинских, польских и северских городах началась с того, что «по городам от царя Василия отложились и целовали крест

¹² Гневушев. Указ. соч., стр. 15.

¹³ Там же, стр. 255—256.

¹⁴ Там же, стр. 257.

¹⁵ В равной мере это относится и к монастырям. В феврале 1607 г. игумен Саввина-Сторожевского монастыря в Звенигородском уезде бил челом В. Шуйскому о том, что «монастырь и монастырские их деревнишка, приехав с Вяземы (Вязема — село Звенигородского уезда. — И. С.), Северских городов воры разорили, монастырские казённые деньги, и лошади, и всякое монастырское строение и хлеб поимали, и его игумена Исая с братьею ограбили и огнём жгли». Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. II. № 68.

¹⁶ Попов А. «Изборник», стр. 331.

¹⁷ ААЭ. Т. II. № 58.

царю Дмитрию Ивановичу всеа Русии»¹⁸. Совершенно так же изображает начало восстания Болотникова и английская записка, по словам которой, восставшие города «отказались от своей присяги нынешнему государю и принесли новую присягу предполагаемому в живых Димитрию»¹⁹. Из грамоты патриарха Гермогена в Казань от 22 декабря 1606 г. мы узнаём и о самой процедуре целования креста «царю Димитрию», состоявшей в том, что все жители данного города «целовали... крест по записи царевичу Димитрию Углицкому»²⁰.

Если целование креста «царю Димитрию» играло роль акта присоединения к восстанию Болотникова, то отказ целовать крест «царю Димитрию» означал разрыв данного лица с восставшими и переход его на сторону врагов восстания. Так, князь Бахтеяров Ростовский и его сторонники были «побиты» в Путивле именно «за то, что Вору крест не целовали»²¹. Та же участь едва не постигла сборщика даточных людей дьяк В. Шуйского — Петра Благого: завербованные им даточные люди, перешедшие на сторону противников В. Шуйского, обвинили П. Благого в том, что он «царю Димитрию креста не целовал и их по кресту не приводил»²².

Вера в «царя Димитрия» была в равной мере присуща и самому Болотникову, считавшему себя «Большим воеводой» царя Димитрия (Буссов). Недаром в польских источниках Болотников фигурирует под именем «гетмана царя Димитрия» (Hetman Dymitr'ow)²³, а одна из разрядных записей называет его «боярином» царевича Петра²⁴.

Приведённые данные ярко демонстрируют царистские черты в движении Болотникова²⁵.

Царистская идеология — важнейшая черта крестьянских движений в России XVII—XVIII веков. «Говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг»²⁶. Эта сталинская формула, вскрывающая сущность идеологической оболочки восстаний крестьян в России против феодального гнёта, целиком приложима и к восстанию Болотникова.

В отличие от средневековых крестьянских движений в Западной Европе, где классовая борьба носила «религиозный отпечаток», а «интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой»²⁷ в России религиозный момент в крестьянских восстаниях играл весьма незначительную роль и идеологической оболочкой этих восстаний являлся лозунг о «хорошем царе».

В «Новом летописце» политическая программа восстания Болотникова определяется формулой «хотят те воры царя и бояр побити»²⁸.

¹⁸ Попов А. «Изборник», стр. 331.

¹⁹ «Исторические записки». Т. 13, стр. 302.

²⁰ ААЭ. Т. II, № 61.

²¹ Белокуров «Разрядные записи за Смутное время», стр. 84. М. 1907.

²² ААЭ. Т. II, № 60.

²³ Hirschberg A. «Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII», str. 113. we Lwowie, 1901.

²⁴ Белокуров. Указ. соч., стр. 12.

²⁵ Выражением тех же царистских моментов идеологии восстания Болотникова было и такое явление, как употребление в лагере Болотникова официальной иерархии государственных чинов и званий того времени. По свидетельству грамоты патриарха Гермогена, Болотников обещал своим сторонникам «давати боярство, и воеводство, и околичество, и дьячество» (ААЭ. Т. II, № 57). Достоверность этого известия вполне подтверждается «чинами» самого Болотникова «большого воеводы» и «боярина» царя Димитрия и царевича Петра. Здесь перед нами совершенно то же явление, что и идея «хорошего царя». — стремление вложить новое социальное содержание в старые политические институты крепостнического государства. В этом отношении восстание Болотникова сходится с восстанием Пугачёва с его двойниками екатерининских учреждений и сановников («военная коллегия», «граф Чернышёв» и пр.).

²⁶ И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эриком Людвигом», стр. 23. М. 1937.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 128.

²⁸ Полное собрание Русских летописей. Т. XIV, стр. 72.

В этой формуле нашло своё выражение отношение восставших крестьян к крепостническому государству.

В глазах восставших царь Василий Шуйский олицетворял собой это государство и являлся выразителем интересов бояр. Это делало его ненавистным для восставших крестьян — холопов. Ярким выражением отношения к В. Шуйскому народных масс является сохранившаяся в составе первоначальной редакции «Сказания» А. Палицына народная поговорка о В. Шуйском: «Хотя бы нам чорт, только бы нам не тот»²⁹.

Значение этой поговорки, однако, не исчерпывается тем, что она знаменит нас с мнением народа³⁰ о В. Шуйском. Замечательна в ней самая постановка вопроса о власти, суть которой может быть выражена формулой: любой царь будет лучше, чем В. Шуйский, — иными словами, плохой царь должен быть заменён хорошим царём.

Такая позиция в вопросе о власти раскрывает самое основное в политических воззрениях угнетённых классов феодальной России. Выступая против феодального гнёта и крепостнического государства как носителя этого гнёта, угнетённые классы — крестьяне и холопы — были, однако, неспособны сформулировать программу нового политического устройства, выходящую за рамки традиционного политического строя. Именно в этом надо искать объяснения царистской идеологии крестьянских движений XVII—XVIII вв., в том числе и восстания Болотникова.

Для изучения царистской идеологии крестьянства XVII в. исключительное значение имеют материалы политического сыска первой половины XVII в., опубликованные Н. Новомбергским в его издании «Слово и Дело государевы»³¹.

Материалы эти, относящиеся к первым десятилетиям царствования династии Романовых, полны воспоминаний о бурных днях начала XVII в. и мечтами крестьян и холопов о возврате этих дней, причём мечты эти неизменно выливаются в форму мечтаний о хорошем царе и о «царе Дмитрии».

Так, 6 апреля 1614 г. крестьянин князя Куракина Милютка Кузнец заявил в кабаке: «Что де нынешние цари? Нам де те цари ноне не надобны». Те же мотивы звучат «на беседе» у крестьянина Федулки Васильева в деревне Ромоданове, Пронского уезда, в 1625 г., на которой собравшиеся крестьяне и холопы вели разговор о царствовавшем тогда Михаиле Фёдоровиче Романове. Когда один из участников «беседы» — «боярский человек» — попытался хвалить царя, заявив: «Да споди де государь здоров был на многия лета, дал де бог смирна», то другой участник беседы, крестьянин «Гараська, прозвище Ворок», выразительно ответил: «Да споди де нам десять царей, ещё де бы того лучше было»³². Тот же эффект произвела попытка, имевшая место в 1614 г. на беседе у богоявленского попа Ивана, в Белгородском уезде, провозгласить здравицу

²⁹ Кушева Е. «Из истории публицистики Смутного времени», стр. 94. РИБ, Т. XIII, стр. 508. Любопытно, что в окончательной редакции «Сказания» А. Палицын выбросил слова о В. Шуйском, ограничившись глупым упоминанием, что «многи бо тогда окаании (окаянные. — И. С.) о царе Василии деюще и глаголяще злаа, их же несть возможно ни писати, ни глаголати». РИБ, Т. XIII, стб. 1007. Следует отметить, что низложение В. Шуйского с престола в 1610 г. имело своим последствием изменение отношения народа к личности В. Шуйского. По одной из народных песен, посвящённых этому событию, можно установить, что падение В. Шуйского было воспринято народными массами как... бунт «злых бояр», погубивших царя (см. Песни, собранные Киреевским П. Вып. VII, стр. 17).

³⁰ «Народными толками», по выражению Е. Н. Кушевой (цит. соч., стр. 94).

³¹ Новомбергский Н. «Слово и Дело государевы». Т. I. 1911. Материалы Н. Новомбергского широко использовал в своей статье «Смута и историография XVII в.» Л. В. Черепнин (см. названную статью в т. XIV «Исторических записок», стр. 103—107).

³² Новомбергский Н. Указ. соч., стр. 43.

в честь Михаила Романова. В ответ на неё белгородец Сенька Телятников заявил: «Здоров б де был царь Дмитрий»³³.

За возглас: «Чтоб де здоров был государь князь Дмитрий Иванович всеа Руси!» — попал в тюрьму в 1624 г. новосильский пушкарь Андрей Дубенец³⁴.

Мечты крестьян и холопов о «хорошем царе» не ограничивались одними воспоминаниями о «царе Димитрии». В 1630 г. в Калуге «тюремный сиделец» холоп князя Б. М. Лыкова Савинко Васильев заявил: «Сижу я топерва в темнице в бедности, а как выйду из тюрьмы, и я де буду над вами, мужики, царь»³⁵. О том же мечтал в 1625 г. крестьянин Гриша Будирий: «Как де бы я был в Серпейском уезде в деревне Мишневой, и я де был царь в те поры»³⁶.

Если для крестьян начало XVII в. рисовалось как предмет мечтаний, то представители противоположного лагеря резко осуждали минувшие времена по мотивам, которые откровенно изложил в 1625 г. поп Иван Григорьев из села Рыченок, заявив козельскому беломестному казаку: «Ноне де не старая пора вам, коли вы царей заводили да воровали, нашу братью до смерти побивали»³⁷.

Приведённые материалы могут служить лучшим комментарием к лозунгу Болотникова о «царе Димитрии», раскрывая социальный смысл этого лозунга и наполняя его конкретным содержанием.

Свержение В. Шуйского и провозглашение царём «царя Димитрия» были основным политическим лозунгом восстания Болотникова. Именно «царь Димитрий» в представлениях участников восстания Болотникова являлся идеалом «хорошего царя». Этот идеальный «царь Димитрий» не имел ничего общего с историческим «царём Димитрием», т. е. с Лжедмитрием I³⁸.

В глазах народных масс «царь Димитрий» являлся жертвой бояр, помешавших ему использовать свою власть на благо народных масс.

С исключительной яркостью народное воззрение на «царя Димитрия» выступает в показаниях Илейки («царевича Петра»). Рассказывая о том, что побудило казаков провозгласить его, Илейку, «царевичем Петром», Илейка объясняет это следующим образом. По его словам, во время зимовки казаков на Тереке «стало де на Тереке меж казаков такие слова: «Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояря да не дадут жалования»³⁹. В результате такой оценки положения дел и возникла мысль о провозглашении Илейки «царевичем Петром», для того чтобы идти на помощь «царю Димитрию» против «лихих бояр».

Подобный взгляд на «царя Димитрия» создавал лёгкую возможность для возникновения легенды о чудесном спасении «царя Димитрия», которого легенда изображает вторично избежавшим в мае 1606 г. смерти от бояр. И в этом отношении показания Илейки очень важны. Если вначале казаки, шедшие вместе с Илейкой «вверх Волгою к Гришке к Ростриге», получив известие о том, что «на Москве Гришку Розстригу убили миром всем», поверили было в смерть «царя Димитрия», то достаточно оказалось одной грамоты от князя Шаховского и путивльцев о том, что «царь Димитрий жив и идёт из Литвы со многими людьми в Путивль»,

³³ Новомбергский Н. Указ. соч., стр. 1.

³⁴ Там же, стр. 10.

³⁵ Там же, стр. 63.

³⁶ Там же, стр. 27.

³⁷ Там же, стр. 17.

³⁸ См. мою статью «К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I». «Учёные записки ЛГУ» № 19 за 1938 год.

³⁹ ААЭ. Т. II, № 81; Архив Строева. Т. II, № 69.

чтобы казаки прочно и до конца присоединились к движению под лозунгом «царя Димитрия»⁴⁰.

Лозунг о «хорошем царе», представляя собой своеобразную крестьянскую утопию, является наиболее ярким выражением стихийности крестьянских восстаний в России эпохи феодализма. Подымаясь против феодального гнёта, крестьяне были не в состоянии выдвинуть сколько-нибудь определённой программы борьбы, сформулировать задачи борьбы за установление такого политического строя, который соответствовал бы интересам крестьянства.

Стихийный характер борьбы крестьянства обусловливался самым положением крепостных крестьян в общественном строе Русского государства XVII века. «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой», — такими чертами определяет Ленин положение крестьян в России при крепостном праве, подчёркивая, что крестьяне «боролись, как умели и как могли»⁴¹.

Стихийный характер восстания Болотникова определил и формы борьбы в процессе восстания и самый его исход. Именно в стихийном характере борьбы крепостных крестьян следует искать главные причины поражения восстания Болотникова.

История восстания Болотникова полна примерами блестящих действий восставших и их руководителей. Достаточно назвать поход Болотникова на Москву осенью 1606 г., когда рядом последующих ударов Болотников подавил все попытки В. Шуйского не допустить войско восставших крестьян и холопов к Москве. Не менее выдающимся примером может служить оборона Болотникова от осадивших Калугу воевод В. Шуйского, превратившаяся в подлинный триумф военного искусства Болотникова и закончившаяся разгромом и бегством воевод В. Шуйского от Калуги. Самый факт более чем годичной продолжительности восстания свидетельствует о том, с каким упорством и мужеством вели борьбу Болотников и его сторонники.

Современники высоко оценивали военные качества армии Болотникова, и это вполне подтверждается анализом объективных данных.

Наконец, выдающейся личностью являлся и руководитель восстания, Иван Исаевич Болотников, обладавший качествами подлинного народного вождя.

Однако ни мужество участников восстания Болотникова, ни таланты его руководителей не могли устранить его слабых сторон, обусловленных самой природой восстания.

Среди этих слабых и уязвимых сторон восстания Болотникова на первое место следует поставить отсутствие сколько-нибудь прочной и постоянной связи отдельных мест и районов восстания с центром восстания и его руководителями.

Если не считать таких форм связи, как рассылка Болотниковым «листов» по городам, поездки делегаций от отдельных восставших городов в

⁴⁰ В повести Иного Сказания имеется интереснейшее место о том, что участники движения «царевича Петра», разделяя веру народных масс в «царя Димитрия», отказывались вместе с тем признать Лжедмитрия I за истинного «царя Димитрия»: «Именоваше у себе царевича Дмитрея, сына великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии,—дядя тому Петру царевичю: а что прежде того назывался Дмитрем царевичем и на Москве убиен бысть, и то де прямой Рострига Гришка». РИБ. Т. XIII, стб. 98. Вряд ли, однако, можно предполагать, что такого рода представления относительно личности первого Самозванца были присущи всем участникам восстания Болотникова. Ибо источники (в частности иностранцы) свидетельствуют о широком распространении и другой версии: о чудесном спасении «царя Димитрия», вместо которого (согласно этой версии) 17 мая 1606 г. было убито другое лицо.

⁴¹ Ленин. Соч. Т. V, стр. 311.

Путивль (подобно рязанцам)⁴² и отправка восставшими городами в Путивль воевод и других представителей администрации В. Шуйского для расправы,— основным средством приобщения отдельных мест и городов к восстанию и установления связи этих мест с руководителями восстания было продвижение войска Болотникова, приход которого в ту или иную местность обычно имел своим последствием присоединение данного места к восстанию. В то же время уход из данного района или дальнейшее продвижение войска Болотникова вперёд сразу же обрывали связи данного места с центром восстания и превращали такое место в чисто локальный очаг борьбы. В ещё более сильной степени локальный характер борьбы выступает в тех районах, которые находились в стороне от маршрута войска Болотникова, как Псков, Астрахань, Поволжье. Разобщённость отдельных районов восстания, отсутствие руководства их действиями со стороны вождей восстания в огромной степени ослабляли эффект борьбы восставших крестьян, холопов и городских низов, создавая вместе с тем возможность для В. Шуйского посылать свои войска против отдельных городов и районов и подавлять восстание по частям (именно в этом состоял план подавления восстания Болотникова, провозглашённый В. Шуйским после поражения Болотникова под Москвой в декабре 1606 года).

Стихийность, характеризующая борьбу восставших крестьян и холопов, наложила свой отпечаток и на самое ядро восстания Болотникова, на его войско. При всём мужестве и стойкости, которые проявляли крестьяне и холопы в боях с воеводами В. Шуйского, войско Болотникова не было единой и целостной военной организацией. Холопы, чёрные и владельческие крестьяне, мелкие посадские люди, казаки, стрельцы, наконец, определённые группы служилых людей — дворян — и даже отдельные бояре и князья — таков неполный перечень социальных элементов и групп, представленных в войске Болотникова. Этой социальной множественности соответствовала и организационная раздробленность, превращавшая войско Болотникова в совокупность отдельных отрядов и групп со своими «начальниками» и «воеводами», далеко не всегда склонными подчиняться «большому воеводе» — Болотникову.

Такой характер войска Болотникова являлся источником его слабости. Если в моменты успехов и побед все эти мелкие и крупные военные единицы ещё удерживались в рамках войска Болотникова, то осложнения обстановки сразу же вызывало к жизни центробежные тенденции, приводившие к разрыву с Болотниковым отдельных частей его войска и переходу их на сторону В. Шуйского («кизмены»). Вместе с тем такая структура войска Болотникова создавала возможность для проникновения в лагерь восстания политических авантюристов. Если среди сохранённых нам источниками имён активных участников восстания Болотникова мы находим немало стойких и верных до конца участников борьбы, как Ю. Беззубцев, Нагиба, Фёдор Берсень («смутьивший» Вязьму и Можайск), Лаврентий Кологривов (бывший воеводой в восставшем Алексине), Дмитрий Аничков (о котором сообщает Ис. Масса) и др., то наряду с ними в лагере Болотникова подвизались такие лица, как князья Шаховской и Телятевский, авантюристический характер деятельности которых очевиден. С восстанием Болотникова связал свои первые политические шаги и Иван Заруцкий⁴³. Типичным авантюристом является и польский шляхтич Кохановский (которого русские источники называют «Самойла Хахановский»). Попав в Москву в 1600 г. вместе с посольством Льва Сапеги, Кохановский остался в России, был, по свидетельству А. Стадницкого, «воеводой в Ельце», «потом от нынешнего великого князя (т. е. В. Шуйского. — И. С.) был поставлен воеводой в Коломне», а затем,

⁴² ПСРЛ. Т. XIV, стр. 72.

⁴³ О нахождении Заруцкого в войске Болотникова говорят «История Ложного Димитрия» (РИБ. Т. I, стб. 121) и Буссов (в издании: *Reform Ross. Script. Ext. T. I*, p. 76, СПб. 1856).

говоря словами того же А. Стадницкого, «увидя силу противной стороны (т. е. Болотникова. — И. С.), передался ей⁴⁴. Карамзинский Хронограф называет Самойла Хахановского среди лиц, захваченных в Туле вместе с Болотниковым⁴⁵. Из одной челобитной (тульского помещика С. Ушакова) мы узнаём, что поместье челобитчика «разграбили твое государевы изменники Самолко Хахановский с товарищи»⁴⁶, что проливает свет на мотивы, побудившие Кохановского — Хахановского — связать свою судьбу с Болотниковым. Всем этим политическим авантюристам, пытавшимся использовать восстание Болотникова для достижения своих целей, интересы восставших крестьян и холопов были глубоко чужды, и поэтому они, примыкая на определённом этапе к восстанию и выдвигаясь в «воеводы» и «начальники» в войске Болотникова, затем с лёгкостью изменяли Болотникову, порывали с восстанием в тот момент, когда считали это выгодным, превращались из участников восстания в его врагов⁴⁷.

Природа восстания Болотникова, стихийного восстания крестьян и холопов, определила собой и тактику его руководителей в борьбе против В. Шуйского.

Подобно тому как восставшие крестьяне и холопы связывали с идеей «хорошего царя» свои мечты и надежды на будущую свободную жизнь, Болотников и другие руководители восстания связывали успех в борьбе против В. Шуйского с «царём Димитрием», прихода которого «из Литвы со многими людьми» убеждённо, но тщетно Болотников ждал и осаждая Москву и отражая в осаждённой Туле приступы воевод Шуйского.

По выразительному замечанию Карамзинского Хронографа, «тово вор[а], ково называли царевичем Димитрием, нигде в те поры и не объявилось»⁴⁸. Восстание Болотникова (совпавшее по времени с мятежом польской шляхты против Сигизмунда III — так называемого «Рокш Зебжидовского») ⁴⁹ проходило без какого бы то ни было вмешательства польско-литовских сил в эту борьбу. По данному вопросу мы имеем столь авторитетное свидетельство, как заявление князя Р. Рожинского — фактического руководителя войска Лжедмитрия II. Заявление это находится в письме Рожинского князьям В. В. Голицыну и И. С. Куракину от 14 апреля 1608 года. Призывая князей примкнуть к Лжедмитрию II, Рожинский подчёркивает коренную разницу между движением Лжедмитрия II и восстанием Болотникова, указывая вместе с тем и на отрицательное отношение поляков к восстанию Болотникова:

«Да и о том вам великим боярам и воеводам рассудить себе: которые воры были преже сего назывались в Путивле и на Туле царевичами, бывал ли к ним кто наш польской или литовской хотя один человек служить? А ныне, проведав подлинно про государя вашего прирождённого Московского великого государя ц. и в. к. Дмитрия Ивановича в. Р., не токма что мы, а вся Польская и Литовская земля идёт служить государю вашему ц. и в. к. Дмитрию Ивановичу в. Р.»⁵⁰.

Итак, ни один «польский или литовский человек» (за единичными исключениями, вроде С. Кохановского) не служил с теми «ворами», которые «назывались в Путивле и на Туле царевичами», т. е. с Болотниковым и «царевичем Петром». Иными словами, борьба фактически велась

⁴⁴ Hirschberg A. Pamietnik S. Niemojewskiego, str. 189, we Lwowie, 1899. Русский перевод в изд. Титов А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие Вахромееву И. Вып. 6-й. М. 1907, стр. 178—179.

⁴⁵ Попов А. «Изборник», стр. 337.

⁴⁶ Гневушев. Указ. соч., стр. 258.

⁴⁷ Примером такого рода перебежчиков могут служить князь Фёдор Засекин и помещик Лева Фустов, бывшие в восставшем г. Михайлове воеводами «от вора Петрушки» и в июне 1607 г. перешедшие на сторону В. Шуйского (ААЭ. Т. II, № 76. О Л. Фустове; см. также Гневушев. Указ. соч., стр. 258).

⁴⁸ Попов А. «Изборник», стр. 331.

⁴⁹ См. Платонов «Очерки по истории Смуты», стр. 353—354, изд. 1-е. Спб. 1899.

⁵⁰ РИБ. Т. II, № 93.

и решалась только теми силами, которые были в руках Болотникова. Между тем «царистская психология» руководителей восстания Болотникова сковывала их активность, заставляя их мечтать о приходе «царя Димитрия», вместо того, чтобы использовать с максимальной активностью те силы, которыми обладали они сами⁵¹.

Отрицательное действие идеи «хорошего царя» сказывалось особенно сильно на последнем этапе восстания Болотникова. Если на первых порах лозунг «царя Димитрия» являлся одним из средств вовлечения в восстание новых слоёв и групп населения, то по мере дальнейшего развития восстания это мобилизующее значение лозунга «царя Димитрия» всё больше отступало на задний план и на передний план выступали те моменты, которые превращали лозунг «хорошего царя» в реакционную утопию, создавая и укрепляя иллюзию о том, что освобождение от «лихих бояр» и В. Шуйского крестьянам и холопам принесёт «царь Димитрий», а не их собственная борьба против своих господ.

Вместе с тем отсутствие в лагере Болотникова реального носителя имени «царя Димитрия» давало возможность и было использовано В. Шуйским для разложения сил восставших крестьян и холопов при помощи различных пропагандистских мероприятий, путём распространения версии о «новом чудотворце царевиче Димитрии» и разоблачениями о том, что правивший на Москве под именем «царя Димитрия» в действительности являлся самозванцем Гришкой Отрепьевым и был убит в мае 1606 года. Воздействие этой пропаганды было тем сильнее, что факт убийства самозванца в Москве «миром всем» был широко известен. Болотников же, несмотря на все его усилия, не мог показать ни делегатам от москвичей осенью 1606 г., ни жителям осаждённой Тулы осенью 1607 г. живого и осязаемого «царя Димитрия».

В борьбе между Болотниковым и В. Шуйским решающее преимущество феодалов по сравнению с восставшими крестьянами и холопами состояло в том, что феодалы опирались в этой борьбе на крепостническое государство и могли использовать против восставших всю мощь государственной машины с её армией и тюрьмами, финансами и чиновниками, а также церковью и прочими средствами идеологического воздействия на массы.

В своей статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин, рассматривая Толстого как выразителя «тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России», даёт следующую характеристику основных черт, характеризующих классовую борьбу крестьянства: «Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнёта и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казённую церковь и помещиков и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции...

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежи-

⁵¹ С наибольшей ясностью влияние идеи «царя Димитрия» на непосредственные практические действия Болотникова выступает в момент окончания борьбы под Калугой весной 1607 года. Разбив наголову воевод В. Шуйского, Болотников пошёл не на Москву, а «отправился в Тулу к князю Петру Фёдоровичу» (Буссов. Указ. соч. Т. I, стр. 75). Между тем, по верной оценке положения дел, данной Ис. Массой, если бы восставшие двинулись на Москву, то они «обладали бы ею без сопротивления» (И. Массе, стр. 170).

тия, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы»⁵².

Эта ленинская характеристика, сделанная в широком плане, охватывает всю «историческую деятельность крестьянства» не только за годы первой русской революции и десятилетия пореформенного XIX в., но и за «века крепостного гнёта». Именно поэтому она может и должна быть использована при анализе восстания Болотникова.

Все те черты бессознательности, патриархальности, стихийности, которыми характеризовалась борьба крестьянства в революции 1905 г., — все эти черты в неизмеримо большей степени были присущи борьбе крестьян и холопов в восстании Болотникова — этом первом крупном «историческом шаге крестьян в нашей революции».

Коренной недостаток классово-борьбы крестьянства, отмечаемый Лениным, — непонимание того, «почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения», — ярко выступает в восстании Болотникова (как и в позднейших крестьянских восстаниях) в виде идеи «хорошего царя» — защитника крестьян от «лихих бояр».

Политической организованности феодалов, выражавшейся в мобилизации ими всей мощи крепостнического государства для подавления восстания Болотникова, противостояла одна лишь стихийная сила восставших крестьян и холопов.

Сталин охарактеризовал восстание Болотникова как первую попытку стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта⁵³. Эта сталинская формула, раскрывая социальную природу восстания Болотникова, определяет вместе с тем и историческое значение этого движения.

Для правильной оценки исторического значения восстания Болотникова необходимо рассматривать его в плане большой исторической перспективы. Будучи первой попыткой стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта, первым «историческим шагом крестьян в нашей революции», восстание Болотникова открывает собой цепь восстаний и возмущений народных масс, потрясавших Россию на протяжении 300 лет и завершившихся разгромом царизма и буржуазии в 1917 году.

Будучи первой попыткой стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта, восстание Болотникова потерпело поражение и было подавлено феодалами. Но если Болотникову не удалось разрешить задачи уничтожения феодального гнёта, то великой исторической заслугой восстания Болотникова является то, что эта гигантская задача была поставлена восставшими в 1606 г. крестьянами и холопами. Именно восстание Болотникова положило начало той борьбе за уничтожение феодального гнёта, которая, по выражению Ленина, «красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции».

⁵² Ленин. Соч. Т. XII, стр. 333.

⁵³ См. И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 23.